

Поучительные неудачи

Некоторые наши режиссеры еще не придают должного внимания изучению системы К. С. Станиславского, выдвинутой ее в свою работу. Как показывают факты, именно потому часто творчески неудачи, низок художественный уровень спектаклей. Особенно это относится к отдельным театрам третьего и четвертого пояса.

Наглядным примером этому может служить Дзержинский драматический театр имени тридцатилетия Ленинского комсомола. Когда переступаешь порог этого театра, когда начинаешь знакомиться с его внутренней жизнью, когда впервые встречаешься с коллективом, невольно ждешь, что на тебя пахнет молодостью, свежестью, смелым творческим дерзанием. И тем досаднее, что очень скоро наступает разочарование.

И в постановке пьесы Ярослава Галана «Под золотым орлом» и в «Последних» Горького — одни и те же общие ошибки, которые заставляют насторожиться и критически подойти к творческому методу театра.

Постановщик пьесы Галана правильно понял замысел автора, но не сумел убедительно воплотить его в спектакле. В самом деле: представителями двух противоположных лагерей в пьесе являются советский моряк Андрей Макаров и американский майор Петерсон. Если в спектакле нет столкновения между этими двумя персонажами, значит, в нем нет и основного конфликта. Но такого столкновения не могло получиться в спектакле уже хотя бы потому, что по своим сценическим данным А. Ковылин не подходит к роли Макарова. Он не только не производит впечатления стойкого, самоотверженного моряка-черноморца, но напоминает человека опустившегося, серого. Противопоставленный ему в пьесе майор Петерсон в исполнении артиста Л. Штормского также не удался. Образ Петерсона обеднен, обескровлен, лишен развития. Вместо того чтобы «действовать» в роли, как учил Станиславский, оба актера старательно играют образы. В результате конфликт не получает в спектакле своего разрешения.

В отсутствии внутреннего развития и заключается недостаток этой постановки. Это относится почти ко всем участникам спектакля. Таковы Боб-Фобер (В. Мачкасов) и Арсений Белли (А. Вакурин). Даже та-

кая способная артистка, как И. Бонакова, обеднила образ, пытаясь суугобо внешними приемами изображать эксцентричную американку.

Правдивее других ведут роли Г. Рубайлова (Анна Робчук), Т. Лондон (Цупович), В. Ляпунова (фрау Мильх), интересен в роли Бентли актер Л. Станиславов. Но эти частные удачи не спасают положения.

В спектакле нет живых, полнокровных человеческих характеров, идея пьесы не выявлена режиссером, и потому зритель следит только за фабулой, не волнуясь за судьбу героев, не переживая вместе с ними.

А ведь политическая трагедия Ярослава Галана дает богатейший материал для создания яркого, страстного спектакля. К сожалению, этого не случилось. И не случилось прежде всего потому, что он поставлен и сыгран если не вопреки заветам Станиславского, то во всяком случае без их учета.

Еще более поучительной кажется нам неудача, постигшая театр в работе над «Последними» Горького. Нельзя сказать, что театр подошел к воплощению горьковских образов без должной ответственности. Режиссер Ф. Лещенко потратил немало труда и энергии, но усилия его так и не увенчались успехом. Случилось это потому, что были допущены ошибки в самом методе работы. В итоге главные образы спектакля лишены развития, у большинства персонажей нет биографии, у многих отсутствует «второй план» — образы получились плоскостными, двухмерными. А раз так, то можно ли ожидать, что в спектакле по-настоящему прозвучит горьковская мысль?

Миру коломийцевых Горький противопоставляет силы революции. Особенность и трудность раскрытия основного конфликта пьесы заключается в том, что единственной представительницей враждебного коломийцевым мира является мать революционера — Соколова. Ее в целом удачно играет М. Богданова. Но вторая, решающая встреча ее с Иваном Коломийцевым скорее выглядит частным конфликтом, чем столкновением представителей двух противоборствующих лагерей. Впрочем, вина тут, разумеется, делится между нею и

Л. Штормским, играющим роль Ивана. И в этой своей работе артист повторил те же ошибки, которые были допущены им при исполнении роли Петерсона: снова образ «завялен» вначале, снова идет «представление», изображение и притом одноцветное. Штормский пажимаает, переигрывает, форсирует звук. В результате перед нами — грубый крикун, не более. А ведь это же персонаж, ищущий по-своему, по-коломийцевски, но мучительно ищущий выхода из того заколдованного круга, которым очерчен мир «последних». Нет этих тягостных раздумий так же ни у Софьи, ни у Якова (артисты Р. Ангарава, В. Соколов).

Не представили себе, не увидели и не пережили участники спектакля важнейших моментов, таких, как сцены покушения на Ивана, обстоятельство, при которых «уронили» Любовь, искалечив ее на всю жизнь, и т. п. Не «пережили» актеры и биографий воплощаемых персонажей.

Было бы, однако, несправедливо обойти молчаньем и ряд актерских удач. Интересно играет роль Любви Н. Скобелева. У нее много обаяния, весь ее облик как бы освещен изнутри глубокой мыслью, согрет теплым чувством к отцу. Роль старой полуглухой няни Федосья хорошо исполняет молодая артистка Е. Белякина. Она ничего не играет и не представляет, а живет на сцене. Упреки к ней можно разве лишь в том, что иногда она недостаточно четко доносит текст. Есть интересные моменты и удачно найденные детали в работе и других исполнителей, например В. Колчина (Петр), Г. Рубайловой (Надежда), Л. Станиславова (Леш), но ведь не они решают судьбу спектакля.

Первая причина неудачи этой постановки — в недостаточной «одержимости» всех участников спектакля горьковской мыслью; вторая и, пожалуй, не менее важная — в забвении заветов Станиславского.

Обе творческие неудачи Дзержинского театра поучительны. Путь к преодолению их — глубокое проникновение и режиссуры и исполнителей в сущность творческого метода К. С. Станиславского.

Г. КРЫЖИЦКИЙ.

ДЗЕРЖИНСК,
Горьковская область.